

в языкознание несвойственный марксизму нескромный, кичливый высокомерный тон, что они крикливо шельмовали сравнительно-исторический метод, высокомерно третировали всякую попытку изучения групп (семей) языков. О том, как сторонники Марра третировали, шельмовали крупнейших наших ученых, ничего не было сказано на собраниях.

Ни для кого не секрет, что «ученики» Н. Я. Марра, как проф. Десницкая, проф. Филин и др., выступая перед студенческой аудиторией, называли крупнейших наших ученых, не-сторонников «нового учения» о языке, только общим наименованием «буржуазные» ученые, «идеалисты», «формалисты» и т. д., воспитывая тем самым в среде учащейся молодежи превратное представление о многих ученых, о научном наследии. Хорошо известно, что сторонник Марра Цукерман пользовался концепцией акад. Щербы, что Кацнельсон питался идеями Потебни, что Десницкая часто обращалась к Мейе, но в аудитории студенческой или аспирантской они постоянно определяли этих ученых только как идеалистов, только как формалистов, тем самым создавая впечатление у непосвященных, что у подобных ученых якобы нечему учиться, что можно не читать их трудов. В период владычества «нового учения» о языке появился такой тип людей, которые почти ничего не читали, не изучали, мало что писали, а только выступали на собраниях и без конца шельмовали, третировали наших ученых прошлого и наших современников. В то время существовало такое положение: кто не признает «нового учения» о языке, тот якобы не советский ученый. Поэтому никто не решался полемизировать ни с Кацнельсоном, ни с Мальцевым, ни со Зборовским, потому что стоило высказать другую точку зрения, как ты попадал в лагерь идеалистов или формалистов.

Э. О. Каратаева останавливается далее на практике учебного процесса на филологическом факультете Ленинградского университета в период засилия «нового учения» о языке. На этом факультете ежегодно учится более двух тысяч студентов. В прошлом этот факультет определялся как очаг «нового учения» о языке: здесь работал Н. Я. Марр, его соратники, последователи и сторонники. Те кафедры, которые плохо внедряли в преподавание «новое учение» о языке, брались под сомнение. Так, например, кафедра русского языка, где работали такие виднейшие языковеды, как академики С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и другие квалифицированные работники, высокомерно третировалась за то, что ее члены не пропагандировали «учение» Н. Я. Марра. Не легко было читать лекции тем, кто не разделял взглядов «нового учения» о языке. Такой крупный специалист по русской грамматике, как С. Г. Бархударов, в конце концов даже отказался от чтения некоторых курсов на филологическом факультете. Те же курсы, которые читали последователи Н. Я. Марра, как проф. Филин, проф. Ларин, проф. Гринкова и др., были насквозь порочны, не научны. Э. О. Каратаева подвергает резкой критике курс современного русского языка, который тогда читала она.

Следующим выступил доцент Ленинградского университета Ю. С. Маслов, с множеством оговорок признавший свою принадлежность к сторонникам «нового учения» о языке. Он свел свои ошибки к незначительному количеству фактов, которые в его печатных работах и лекционных курсах получили марровскую интерпретацию. Ю. С. Маслов не счел нужным сказать собранию, что он еще за несколько месяцев до разгрома «нового учения» о языке был его одним из самых «левых» сторонников и с настойчивостью, достойной лучшего применения, требовал от всех языковедов самого неукоснительного следования по всем пунктам лженаучной теории Н. Я. Марра.

Проф. Р. А. Будагов самокритически рассказывает об эволюции своих бывших порочных взглядов по вопросу о классовости языка и о значении семантики в общей перспективе лингвистического исследования. В связи с этим он касается тех статей сборника, которые посвящены указанным вопросам. В порядке дополнения к критическим положениям статьи В. А. Звегинцева, напечатанной в сборнике, Р. А. Будагов предлагает углубить критику семантических рассуждений Н. Я. Марра. Он высказывает также мнение о необходимости выделения из теоретических рассуждений Н. Я. Марра тех правильных научных положений, которые были открыты до него. В противном случае некоторые положения, известные науке еще до акад. Марра (например, функциональные переходы), будут игнорироваться лишь потому, что они есть в работах Марра.

По мнению Р. А. Будагова, в сборнике недостаточно вскрыты философские корни ошибок акад. Н. Я. Марра, исходящие из идеалистической философии Гегеля.

Старший научный сотрудник Института языкознания О. П. Суник, полностью присоединяясь к общей положительной оценке, данной сборнику выступавшими языковедами, характеризует этот коллективный труд Института языкознания как значительный шаг вперед в решении одной из задач, поставленных перед советскими языковедами товарищем И. В. Сталиным, — задачи отказа от ошибок Н. Я. Марра путем полного преодоления их при помощи большевистской критики и самокритики. «Для меня, — говорит О. П. Суник, — ввиду допущенных мной в прошлом серьезных теоретических ошибок при исследовании грамматического строя тунгусо-манчжурских языков особенно важное значение имеет одна из самых содержательных и глубоких работ обсуждаемого сборника — статья акад. В. В. Виноградова, посвященная кри-